

Мастер-класс Теодора Курентзиса на фестивале «Территория»

Откуда такая жесткость

ИЛЬЯ ОВЧИННИКОВ

Вслед за трехчасовым концертом в зале Чайковского «Территория» провела еще одну музыкальную акцию, длившуюся почти вдвое дольше. Она началась с кантаты Генделя *Dixit Dominus*, продолжилась мастер-классом Теодора Курентзиса и завершилась исполнением Четырнадцатой симфонии Шостаковича спутным ее обсуждением.

Театр «Школа драматического искусства» на Сретенке — вероятно, единственное место в Москве, где возможно мероприятие подобного масштаба. Два года назад здесь в течение суток читали роман «Улисс», отмечая таким образом столетие Джеймса Джойса; на сей раз площадку занял Теодор Курентзис, предложивший публике многожанровую музыкальную акцию длиной пять с половиной часов. И хотя собственно мастер-класс, в ходе которого Курентзис работал с начинающими дирижерами, был лишь частью акции, вся она в целом также стала своеобразным уроком для слушателей. Выяснилось, что одни и те же музыканты могут в равной мере «аутентично» исполнять Генделя и Шостаковича; что от эффектного дирижерского жеста, который часто считают работой на публику, зависит очень многое; что любая попытка объяснять музыку словами может как приблизить, так и отдалить подлинное ее понимание.

В центре вечера оказалась Четырнадцатая симфония Шостаковича для сопрано, баса и камерного оркестра — одно из поздних и самых удивительных его творений. Типологически симфония с участием двух солистов восходит к «Песни о земле» Малера, весьма любимой Шостаковичем — днем раньше она также звучала под управлением Курент-

ФОТОГРАФ: ВЛАДИМИР АФАКСЬЕВ / ГАЗЕТА

ЦЕЛЬНОМУ ВОСПРИЯТИЮ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ СИМФОНИИ ШОСТАКОВИЧА СПОСОБСТВОВАЛО УЧАСТИЕ ТАКОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ПЕВИЦЫ, КАК НАТАЛЬЯ ЗАГОРИНСКАЯ

зиса (см. позавчерашний номер «Газеты»). К сожалению, о связи двух шедевров дирижер говорил лишь в кулуарах, хотя ее следовало бы подчеркнуть и более явно. Отчасти это сделал музыковед Левон Акопян во вступительном слове, представлявшем собой пересказ соответствующего фрагмента из монографии «Дмитрий Шостакович. Опыт феноменологии творчества». Из-за недостатка времени некоторым утверждениям Акопяна явно не хватило аргументов — скажем, важному наблюдению о том, что композиция Четырнадцатой близка драматургии реквиема.

Более любопытным оказалось прослушивание фрагментов сочинений Лютославского и Стравинского, попавших в поле зрения Шостаковича при работе над симфонией. Акопян также затронул вопрос о том, как сейчас следует трактовать Четырнадцатую: как абсолютную, «чистую» музыку или же как программное высказывание композитора, которого зачастую считают скрытым диссидентом. Вопрос сколь любопытный, столь и праздный: любое исполнение воспринимается каждым слушателем по-своему. Скажем, вторую часть симфонии («Малагенья» на стихи Лорки) Курентзис интерпретировал в непривычно жесткой и даже агрес-

сивной манере. При большом желании можно усмотреть в этом протест композитора против советской власти, но поется здесь о смерти, которая бродит среди людей, — отсюда и эта жесткость.

Цельному восприятию симфонии способствовала продуманная работа со светом, а также участие двух великолепных солистов. Наталья Загоринская от начала до конца провела партию блистательно; пока шел ее партнер, она уходила глубоко в себя, но когда наступала ее очередь, вся музыка сосредотачивалась в голосе и глазах певицы, буквально извергавших молнии. Анджей Белецкий настроился на эту волну не сразу и поначалу явно переигрывал, но к середине симфонии воспринял от Курентзиса главную задачу — всякую мелочь обращать на пользу результату, любой элемент актерской игры отражать в музыке. Перед началом дирижер посоветовал публике переместиться поближе. Кто мог, сел на пол почти у ног музыкантов, остальные просто придвинули стулья — в результате симфония прозвучала в камерной, почти интимной обстановке. И чем уж точно запомнится фестиваль «Территория» — так это незаурядным исполнением столь важных и редко у нас звучащих сочинений Шостаковича и Малера. **ГАЗЕТА**